

Альманах

**МОЛОДЫЕ ГОЛОСА
НОВОРОССИЙСКА**

ОДНОРАЗОВЫЕ

Она перебирает мои пальцы своими пальчиками.

Меня они так забавляют эти люди - одноразовые одуванчики.

Нужны - нашёл, воспользовался.

Крутит рычаг Всего рука шарманщика.

Надоел? Смени, если замусолился.

Не люди, а пластиковые стаканчики.

Такие прекрасные, рождены Красотою, в блёстках.

Наделаем грязи, а после смываем её своими невинными слёзками.

Сменять людей, как фильтр, как

перезаряжать часы, монотонно

периодично, повседневно. Пустяк,

бытовая мелочь. Как донор

и пациент, мудака, морально травмированный,

чьи чувства забыты, запиты, как ключи выронены.

Я обещаю: стану верить даже прогнозам

погоды, если сделаете меня беззаботным.

А сейчас - лишь имитация духовности, словно заноза,

да от собственного лицемерия позывы рвотные.

Какая в нас глубокая суть? Разве

видели вы её в куске кирпича?

Только и предаемся взаимопользующей заразе,

пока философ и моралист в нас погибают и в нас кричат.

Нам далеко до Иоганна В. Гёте.

Ищите смысл? В людях вы его не найдёте.

Человек может творить: писать, придумывать, а после наслаждаться
величием низкопробным.

Зачем мы живём, тысячи тысяч несчастливых писак?

Человек, он умный. Он к жизни не приспособлен.

Нам далеко до Фридриха Ницше.

Давай, пытайся прыгнуть других выше.

Don't stop. Continue,

беги по головам, никого не щадя,

пока пульс не оборвется, не станет нитью.

Давай, попробуй прыгнуть выше меня.

GOTT MITT UNS

Очередной закуток, по краям и углам заблеваный.

Тишина ночи пьяными визгами порвана.

Осточертели эти картины и виды,

осточертели бездомные, алкоголики, бомжи.

Разрезы улиц ими, как истлевшей парчой, обиты.

Я не хочу это видеть; видеть, что так можно жить.

Город укрылся ночью, как под

брэзентом хранимые корпуса яхт.

Нагрелся, остывает, словно капот.

Gute Nacht.

Луна висит - за ширмой бра,

звезды горячей пылью кишат.

День, измучив жаром, обобрал,

отнял все силы. Mein Stadt,

я не хочу тебя обидеть,

но полнятся углы и переулки

всякой гнилью и мерзостью в виде

самом похабном. Алкоголиков гулькие

безумно - животные крики. Загаженные

перепутья, тупики. Не ищи прекрасное.

Его тут нет. Улыбка утюгом разглажена.

Сухое, черт возьми, красное?

Хватит ужираться! Не хочу просиживать в барах

время. Ни к чему увеселительные сборища.

Просто шагать в "тройке" по бульварам,

не наблюдая гнили, грязи, горечи.

Недостаток возвышенности, дефицит

эстетики, красоты, поэтичности.

Я уйду на дно, обрубив концы,

если "Сейчас" когда-нибудь станет "Античность".

К черту вопрос о пороках. Мораль? - и мораль
тоже. К черту вопросы политики и мироустройства,

Есть ли кому посмертное прибежище-рай?

Сотвори его до смерти, чтоб избежать возможного расстройтва.

Я хочу видеть галантных мужчин,

с девушками, светлыми, идущих под руку,

утопающих в озерах их глазниц-пучин

и фантасмагории звуков

мостовой. Дайте пилюль или

заприте: избавьте от мерзостей мира.

Пусть воздух сочится запахом ванили,

а люди ходят без ярлыков и бирок.

Пусть теплится жизнь за цветом штор

и каждый будет вечно юн,

наивен, мечтателен, чист. Что

Gott mit uns,

сомневаться не приходится. Перелив струн.

Колорит

Неосторожная жадная клоака.
Собеседник нервировал, бесил.
Прибой брызгами плакал
Человека уставшего, без сил.
Волны накатывают ножами-полуулыбками.
Летняя ночь шагами хлипкими
Босиком бежала, обращая гладь
В черно-нефтяную муть.
После всхлипа спички мгла
Преграждала снова путь.
В глазах шли круги потухнувшего марева.
Чёрт возьми, я не хочу ни с кем разговаривать!
Костюм, шляпа, одинокое пьянство -
Вот, что украшает любого мужчину.
Я люблю того американца,
Что так считал. Конечно, не без причины.
Летняя ночь сладостью манила
Воздуха. Пускай иглу по винилу,
Пока все пускают по венам
Всякую гадость. Мягкий бриз
Гнал ближе к воде, дальше - пену.
Выходит из бухты в полугодовой круиз,
Выходит на границу "горизонт -вода"
Груженная торговая ладья.
Прожектор проповеднически таранил
Потоком фильтрованного света высь,
Оставляя на взгляде раны.
Наслаждайся мгновеньем или болью, не торопись.
Вам нечего терять? Смешно! Вы

Все еще живете среди мерзких и живых!
В соли догнивает ржавое железо.
Спешим, скорее до края мыса.
Могли ли время на жизнь урезать?
Могли ли список, что расписан
До последнего часа последнего дня
Перекроить, переписать без меня?
Вода плещется желейными
Слоями. Скалы - покосившиеся заборы.
Колышутся в волнах затопленные оранжереи.
Мне нравится быть без опоры
На землю, где течение рождает зыбь бороздами.
Я жду, приходи со мной купаться под звездами.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ОНА»

I - Она

Она любила цветы и платья
в горошек. И цвела Она вместе
с весной. Прекрасна девушка, что печатью
отмечена грусти. И выткана будто из страсти и строчек песен.

II - Образы

-Что есть источник твоих печалей?
Слоновая кость в матово-белой коже
невесомых рук. Она сидит, пожимая плечами.
Взгляд неспокоен и тревожен.
Ветер колышет струйки черных волос, они
ласкают кукольное лицо. Она обожает
в предвечерии наблюдать отблески и огни
и по траве ходить босая.
Тонкий разрез бледных губ, чертят скулы
острые линии лика. Как
вздымалась Её грудь, когда тянула
в себя туманный воздух и табак!
Восхищений полны берега
ключиц в русле шеи. Отдаться бы
объятьям, отдаться всецело Её рукам!
Извини, я такой есть, я буду, я был.

III - Дом

Она любила цветы и черный цвет.
Помню дикий пляж, где вино разливали и пили.
Помню запах. Запах старых новостей и газет,
черных чернил и ванили.
Каблуки острые отбивают тактом вялые доски
лестницы. В рюкзаке лежат

сигареты, томик имени "Маяковский",
Ею любимый ягодный мармелад.
Она оставляет в затхлости вишневый
шлейф, в пыльно-солнечных просветах
коридора. Витает аромат дома и новых
книг. Мои руки извечно мерзнут, но извечно её дыханьем согреты.

IV - Мечты

И вновь изгибы плеч-ключиц
теньями прикрыты и полупрозрачным.
Она здесь и наблюдает за рождением новых страниц.
В темноте отчужденной и мрачной,
в холоде запотевшем с вином
бутылки. Книжные полки громоздятся в зале.
Мечта свершилась, мечта вдвоём
запереться и для всех исчезнуть. Или исчезнуть с вокзала.

V - Утро.

И плевать на бессонную ночь! От минуты к часу
стихи вслух. Великое счастье и горе! Поэт!
Фонарные столбы единогласно гаснут,
и зиждется за горою рассвет.
Ночь измазана утопленной сажеей,
она полнится глубоких ножевых ран.
Смена одного за другим пейзажей
открывается лишь с утра.
Она прекрасна, когда варит кофе,
прекрасна, когда его пьёт
не спеша, прекрасна и в анфас, и в профиль.
Движенья и шаги Её издают еле слышный звон
хрусталя. Утром подъем вдвое тяжкий,

НО ЭТО НЕ ТАК: ВЫХОДЯ НА БАЛКОН,
ВИДИШЬ ЕЁ И ДВЕ ЧАШКИ.

Теодор Тория